

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Для понимания переломных исторических событий особую роль играют свидетельства очевидцев и участников. Большой удачей является, если в этой роли выступает ученый. Журнал «Ученые записки Института Африки РАН» представляет воспоминания доктора исторических наук В.Г. Шубина, находившегося в Каире в дни арабо-израильского вооруженного конфликта 1967 года, вошедшего в историю под названием «Шестидневной войны»

ДВА ДНЯ «ШЕСТИДНЕВНОЙ ВОЙНЫ»

© 2019 В.Г. Шубин

ШУБИН Владимир Геннадьевич, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института Африки РАН, Российская Федерация, 132001, Москва, ул. Спиридоновка, д. 30.1, профессор кафедры африканистики и арабистики Российского университета дружбы народов, Москва, улица Миклухо-Маклая, д. 10, к.2, научный сотрудник Центра военных исследований Стелленбошского университета, Private Bag X2, Saldanha, .South Africa, 7395, e-mail: vlgs@yandex.ru

Аннотация. Статья основана на информации автора, который в качестве офицера 10-го Главного управления советского Генерального штаба¹ провел два дня в Египте во время «Шестидневной войны» между Израилем и арабскими государствами. В ней кратко анализируется история отношений Москвы с Каиром после революции 1952 г., в частности в военной области, и отмечается, что советское военное руководство переоценивало боеспособность Вооруженных сил Объединенной Арабской Республики, как тогда называлась Арабская Республика Египет. Хотя к июню 1967 г. ситуация на Ближнем Востоке была довольно напряженной, война не ожидалась Москвой в тот день, когда Израиль напал на Египет, и его быстрый успех, особенно разгром египетских ВВС, был шоком и для Каира, и для Москвы.

В статье описывается ситуация в Каире 9 и 10 июня, реакция египтян на заявление президента Гамаль Абделя Насера об отставке; говорится о негативном отношении «арабской улицы» к русским, которое возникло в те дни прежде всего из-за ложной информации египетских властей, которые утверждали, что в отличие от СССР, США и Великобритания принимали участие в войне, подвергая объекты на территории Египта бомбардировкам.

Ключевые слова: «Шестидневная война», Объединенная Арабская Республика, Египет, Израиль, Гамаль Абдель Насер.

DOI: 10.31132/2412-5717-2019-48-3-107-115

¹ 10-е Главное управление Генерального штаба Вооружённых Сил СССР было реорганизовано в Главное управление международного военного сотрудничества Министерства обороны Российской Федерации.

Я заступил на дежурство в качестве помощника дежурного по 10-му Главному управлению Генштаба («Десятке», как это управление часто называли) в ночь на пятницу, 2 июня 1967 г. Выбор даты был мой: со следующего понедельника я уходил в отпуск, и поскольку после ночного дежурства был свободный день, то мы семьей могли пораньше уехать к родителям в Ярославль.

Дежурство было спокойное, лишь где-то после полуночи прибыл фельдъегерь с пакетом из МИДа. Так бывало и раньше, и в этот раз срочность донесения была оправданной: когда мы вскрыли пакет, увидели, что там была срочная шифровка из советского посольства в Лагосе, тогдашней столицы Нигерии: Говон просил боевые истребители МИГи и другие тяжелое вооружение.

Подполковник Якубу Говон был в то время, после второго военного переворота в 1966 г., главой Военного правительства Нигерии. Накануне он встречался с советским послом Александром Романовым, опытным дипломатом, чья деятельность в крупнейшей по населению африканской стране принесла ему известность и среди друзей, и среди недругов нашей страны. Встреча эта последовала после провозглашения 30 мая 1967 г. военным губернатором Восточной области Чуквуэмеку Одумегву Оджукву независимой Республики Биафра.

Поддержка Советским Союзом федерального правительства Нигерии, в том числе поставки современного вооружения, была неоднозначно воспринята в нашей стране, особенно среди ученых. Некоторые из них полагали, что население Восточной провинции Нигерии, в которой проживали преимущественно игбо (тогда их, как правило, называли *ибо*), имеет право на самоопределение. Сказывалось и то, что многие «прогрессивные» деятели в Нигерии были именно игбо, однако «про-Лагосская» позиция возобладала.

Утром шифровка была доложена начальнику, а я «с чистой совестью» уехал из Москвы, но ненадолго.

Официально мой отпуск начался в 9.00 утра 5 июня, но за несколько минут до этого израильские «Миражи» появились на небольшой высоте над аэродромом Каиро-Уэст недалеко от столицы Египта.

К тому времени отношения СССР с Египтом, а точнее, с Объединенной Арабской Республикой были хорошо развиты во всех сферах, особенно в области обороны. Их история хорошо изучена, и здесь будут просто указаны их основные вехи.

23 июля 1952 г. Анвар Садат, член руководства «Свободных офицеров», прочитал по каирскому радио манифест этой организации, объявив о передаче власти в Египте Совету революционного командования. Военный переворот прошел почти бескровно. Шесть месяцев спустя Египет был объявлен республикой, пост президента и главы правительства занял генерал Мохаммед Нагиб, но 14 ноября 1954 г. он был уволен с должности, а подполковник Гамаль Абдель Насер стал бесспорным лидером страны.

Ситуация к июню 1967 г. на Ближнем Востоке была довольно напряженной, войной «пахло», но все же в эти конкретные сроки в Москве она не ожидалась, хотя именно так полагали многие западные авторы. Доказательство простое – в отпуск с 5 июня собирался не только я, старший лейтенант, но и генерал-полковник авиации Николай Павлович Дагаев, начальник 10-го Главного управления, и полковник, начальник отдела этого управления, который отвечал за военное сотрудничество со странами Ближнего Востока. Дагаев собирался в круиз по Волге и, конечно, тут же отметил поездку, но представить, чтобы руководитель военного сотрудничества СССР с Египтом и другими арабскими странами ушел в отпуск, если бы в Москве именно в то время прогнозировали начало войны в том регионе, просто невозможно².

² В отличие от своего начальника полковник отпуск не прервал, и генералом он так и не стал, хотя должность была «генеральская».

Первоначально в Москве события июля 1952 г. считались – и справедливо – военным переворотом. Более того, некоторые люди в Москве и в советском посольстве в Каире считали режим Насера близким к фашизму, особенно после арестов египетских коммунистов. Много лет спустя Никита Хрущев сказал, диктуя свои мемуары: «Сначала, после переворота и прихода к власти полковника Насера, мы не могли определить, какое направление во внешней и внутренней политике будет принято новым руководством. Мы были склонны думать, что это, вероятно, один из военных переворотов, к которым мы уже привыкли в Южной Америке, и не ожидали от него ничего особенного. Но у нас не было другого выбора, кроме как ожидать, какое направление примет это новое правительство» [1].

Однако шаг за шагом это направление стало более ясным, переворот постепенно превратился в антиимпериалистическую, антифеодальную революцию. Новое руководство страны не только добилось вывода британских войск из Египта в июне 1956 г. после 74 лет оккупации, что не могло не быть положительно оценено в Советском Союзе, но и начало глубокие реформы для обеспечения политической и экономической независимости Египта.

По словам Дмитрия Шепилова, визит которого в Каир в июле 1955 г. был прорывом в двусторонних отношениях, и который позднее, как министр иностранных дел, сыграл важную роль в конце трехсторонней (Великобритании, Франции и Израиля) агрессии против Египта во время «Суэцкого кризиса» в 1957 г., «события ... в Египте породили цепную реакцию национально-освободительных движений на Арабском Востоке в целом» [2]. Эта революция имела большое значение и для развития антиколониальной борьбы в «Черной» Африке, Каир стал домом для представителей всех основных африканских националистических движений (их число превысило 20).

Каир попросил Москву поставлять современное оружие в апреле 1955 г., и в сентябре того же года после визита Шепилова было достигнуто соглашение, но по тактическим соображениям не с СССР, а с Чехословакией. Поэтому, как позже говорили мне наши ветераны, изначально советские специалисты находились в Египте с чехословацкими паспортами, а военно-морские офицеры – с польскими. СССР начал играть важную роль в подготовке военнослужащих, а затем в оказании консультативной помощи вооруженным силам Египта (хотя официально они не занимали должности советников до 1967 г.)

* * *

Услышал я о начале очередной арабо-израильской войны часов в 6 вечера. Чтобы не беспокоить родителей, я отправился на ярославский почтамт позвонить в Москву нашему старшему, майору Анатолию Барановскому, но его номер молчал.

Вернувшись домой, я слушал разные радиостанции, сообщавшие цифры сбитых израильских самолетов, и значительно бóльшие цифры арабских самолетов, уничтоженных на земле. Хотя в это не хотелось верить. К тому же по каирскому радио шли победные репортажи: «Войска ОАР заняли часть оккупированной Палестины», «иракские войска наступают на иорданском фронте»... И звучала песня «Айдуна!» («Мы вернемся!»)

На следующий день 6 июня раздался звонок из Москвы, я должен был явиться в «Десятку» 7 июня. А сообщения о боях стали более тревожными – израильтяне заняли Газу (откуда в мае по требованию Насера были выведены воска ООН) и Иерусалим, точнее его восточную часть – старый город – находившуюся под контролем Иордании. Утешал я себя тем, что у Иордании армия была слабая, а прижатую к средиземноморскому побережью Газу было нетрудно отрезать.

Поздно вечером снова позвонил Барановский – «отбой», но ненадолго; утром 7 он же передал противоположный приказ. К тому времени мое настроение было совсем другим – было ясно, что наши «арабские братья» отступают. Арабское радио сообщило

(и к тому времени, проведя четыре года в Египте, я уже мог понять основную политическую лексику на арабском), что войска ОАР были «эвакуированы» из района Шарм-эль-Шейха, присоединившись к «главным силам» («аль-кувват ар-раисия»).

Я выехал в Москву скорым поездом. В наших газетах – «Бои на второй линии обороны». Но прибыв в «Десятку», я услышал от сослуживцев: «Проспали всю авиацию». Хотя до конца в это еще не верилось.

Перед самым вылетом в ОАР, как обычно из аэродрома Чкаловский, узнали, что посадка для дозаправки предстоит в югославском Титограде (Подгорице, столице Черногории) вместо обычного Будапешта (точнее советской авиабазы в Тёкёле³). Скорее всего, это было сделано, чтобы иметь больше горючего для опасного перелета в Каир. Приземлились на рассвете. Нас встретил майор, хорошо говоривший по-русски – он учился в Союзе до разрыва Москвы с Белградом в 1948 г. Для нас было неожиданным его сообщение, что Насер согласился на перемирие, поскольку перед вылетом советский пограничник сказал нам, что на северо-западном участке фронта войска ОАР перешли в контрнаступление, а затем уже в полете мы слышали об этом по радио.

В Каир шло несколько самолетов, два из них обогнали наш, и мы оказались где-то «в середине». Связи с Каиром долго не было, сначала отозвался аэродром в Мерса-Матрух на побережье Средиземного моря, потом показалась зеленая дельта Нила. Сели на «Кайро-Интернешенл», на старую полосу 16/34 (то есть 160 и 340 градусов), а возле основной, где велись какие-то ремонтные работы, увидели полусгоревший МИГ-17 с алжирскими опознавательными знаками – некоторые арабские страны направили свои самолеты в Египет. Стекла зданий аэропорта были покрашены синим цветом.

Встретил знакомый по штабу ВВС ОАР полковник Старостин: «Израиль не прекратил огонь, разгружайтесь скорее». Второй встречавший, из представительства ГИУ ГКЭС⁴, добавил: «В нескольких местах они вышли к Суэцкому каналу».

Ан-12, которые сели до нас и сразу после нас, тут же стали перелетать на военный аэродром Кайро-Уэст, но наш борт остался, а экипажу разрешили поехать в офис, а потом в гостиницу. Ехали мы в Каир по старой дороге, мимо лагеря по подготовке солдат (возможно, молодых добровольцев), каменная стена которого была разрушена, но в самом городе никаких разрушений не было видно, только стекла были покрашены синим, а у дверей подъездов сделаны были стенки из мешков с песком. На многих машинах появились желтые и черные полосы и новые номерные знаки с буквами «каф» и «айн» – очевидно, сокращение от «Аль-кувват аль-арабия» – объединенные «Арабские (вооруженные) силы», командующим которыми был назначен бывший начальник египетского Генштаба генерал Али Амер, хотя практически они так и не были созданы.

Как и ранее, на улицах было много полицейских и автоматчиков, но также праздно гуляющей молодежи (занятия в учебных заведениях были отменены, но в армию студентов не призвали). Все стены и заборы были обклеены плакатами: «Победу – нам, смерть – Израилю», «Насер – герой войны», а то и огромный сапог с надписью «Арабские вооруженные силы» давит маленького человечка – «Израиль».

По дороге в офис на мосту через Нил на острове Замалек я увидел автобус с нашими специалистами, возвращавшимися как и до войны около 14:00 с работы, что показалось мне злой шуткой. В офисе встретил знакомого, Сашу Борисова, который сказал, что арабы злятся на нас: «Где русские солдаты?» Для меня это стало первым сигналом о неладе в их отношении к нам. А часа в четыре он подъехал к нам в гостиницу, все

³ На месте бывшего гарнизона сейчас находится частный аэродром. Небольшая огороженная территория предоставлена его собственником цыганской семье, которая разводит лошадей и косит траву на аэродроме.

⁴ Главное инженерное управление Государственного комитета СССР по внешним экономическим связям (1953–1988) занималось военно-техническим сотрудничеством с зарубежными странами.

ту же «Викторию», недалеко от главной улицы Каира «26 июля» или, как ее чаще называли по-старому, «Шари Фуад» по имени покойного короля, где я жил в 1962–1963 гг. вместе с нашими летчиками, создавшими «воздушный мост» между Египтом и Йеменом. В «Виктории», ставшей довольно обшарпанной, в последние месяцы размещались ООНовцы, на дверях сохранились объявления на сербско-хорватском, английском, португальском и, кажется, датском языках.

Саша рассказал, как развивались события: об уверенности в готовности армии ОАР до начала войны («Пойдут – не остановишь»), о полетах Су-7 над Израилем. И об ударе утром 5 июня, неожиданным, по крайней мере для тех, кто был на «Кайро-Уэст»: рвались склады с боеприпасами, самолеты на стоянках, разрушалась взлетно-посадочная полоса. Позднее, в августе, в очередную командировку в ОАР на аэродроме в Бени-Суэиф мне попался журнал со статей «*The war that won the war*» («Бомба, которая выиграла войну») – о бомбе, которая разрушала взлетно-посадочную полосу.

Как раз в это время по радио передали, что «на фронте установилось спокойствие», огонь прекращен в соответствии с резолюцией Совета Безопасности ООН. Ожидалось выступление Насера, но он молчал.

Я купил «Иджишиен газетт» с заголовком на первой странице «*Israeli suffer more reverses on all fronts*» («Израильтяне терпят новые неудачи на всех фронтах»), с сообщениями о «Сухих», сбивающих израильские самолеты, о действиях египетских «командос» за сто с лишним километров за линией фронта, об успешных боях в районе перевала Милта на Синае – 32-километровом проходе между горными хребтами.

После беседы с Сашей, примерно в полседьмого мы с ребятами из экипажа пошли на улицу, магазины еще работали, но один за другим стали закрываться. Когда мы возвращались в гостиницу, заревели сирены, но на сигнал о воздушной тревоге почти никто не реагировал.

В 19:30 по телевизору и по радио выступил Насер, процентов на 50, а то и 70 его речь я понял. Когда он сказал о своей отставке и о передаче власти одному из вице-президентов – Закарии Мохи-эд-Дину, сидевшие в холле работники гостиницы заволновались. Насер выглядел усталым, в глазах его чуть ли не блестели слезы. Но после его речи послышалась победная музыка, бодрые песни...

Как бывало всегда, когда выступал Насер, город опустел, все слушали его, но сразу же после этого на улицах стали появляться люди, в основном молодежь. Шли они сначала маленькими группами, потом все более многочисленными, мимо «Виктории» по улице Гумхурия к зданию парламента. Они скандировали «Насер! Насер!», точнее, как это обычно бывало и ранее, один человек кричал лозунги, а остальные подхватывали, повторяли.

В холле гостиницы появился человек в гражданском с повязкой, очевидно, чтобы охранять нас. Я вышел на порог гостиницы, потом дошел до угла соседнего здания. В воздухе было что-то тревожное, на лицах демонстрантов – злая решимость. Остановилась белая полицейская машина, полицейские что-то стали говорить демонстрантам, но те их не слушали.

Стемнело, сразу же люди на улице стали кричать «Акфаль нур!» («Выключи свет!»), в том числе и в адрес наших ребят в гостинице (сам я жил на втором этаже, в угловой комнате, окно которой выходило как раз на улицу Гумхурия). Но затем, как только кричавшие достигли своей цели, кто-то устроил фейерверк, что вызвало бурную радость у демонстрантов. Вот и вся маскировка!

А тем временем в гостиницу стали прибывать наши из других экипажей. Один старый знакомый портье в гостинице тогда сказал: «Хочу, чтобы сто русских были здесь».

Каир не спал всю ночь с 9 на 10 июня. Крики доносились и до нас. В самой гостинице также было беспокойно. Какой-то из экипажей, только что прибывший и разместившийся там, срочно подняли и отправили на аэродром на вылет.

С утра на улицах было еще больше демонстрантов, они кричали, точнее, многократно скандировали (не ручаюсь за точность произношения): «Абд ан-Насер, раих фи?» («Абдель Насер, куда уходит?»), «Абд ан-Насер мия биль мия, хова раис аль-гумхурия!» («Абдель Насер сто процентов, он – президент республики») и, наконец, лозунг антисоветский, точнее, антирусский: «Абд ан-Насер, ахсаб руси!» («Абдель Насер, выгони русских!»). Не знаю, кто «подсказал» толпе этот лозунг, но он, к сожалению, отражал настроение многих.

В газете сообщалось, что Насер призвал всех к спокойствию и что сам он выступит в Национальном собрании. Вышли снова из гостиницы, «на Фуаде» магазины были закрыты. Как сообщил один из лавочников, было запрещено торговать, пока Насер не откажется от своей отставки. Правда, бутылку кока-колы мне в «Пассаже» все же продали («Продай ему, он по-арабски говорит», – сказал один продавец другому.) Но в другой лавочке нам не продали даже какой-то мелочи. («Вы откуда? Из России? Ну и уезжайте в свою страну, там таких хороших вещей нет»...) На одной из улиц, возле старого базара, мальчишка спросил «*Are you Russian?*». «Айва, руси», – ответил я по-арабски, точнее, «по-египетски», диалект в этой стране отличался от литературного арабского языка. «*Go hell*», – среагировал тот. Правда, другой парень толкнул его в бок, выражая удивление и несогласие.

На душе было тяжело. Горько слышать такие слова, когда ты приходишь, чтобы помочь своим друзьям, практически как доброволец, оставив жену и детей (младшему, нашему сыну, было всего девять месяцев). Тем не менее, надо признать, что были причины для таких настроений среди арабов. Они прежде всего были спровоцированы действиями египетского руководства. Насер в своей речи об отставке подчеркнул, что советский посол предупредил его против превентивных военных действий, и это было правдой. Однако он же совершенно неверно утверждал, что Египет бомбили не только израильские, но и американские самолеты с авианосцев и британские с баз на Кипре. Насер не хотел признавать, может быть, даже самому себе, что его страна и ее союзники были побеждены Израилем. Однако это было сделано за счет отношения к Москве – «человек с улицы» считал, что в то время как ведущие империалистические державы атаковали арабов, их советские друзья бездействовали.

В отличие от многих в арабских странах, в Москве этим утверждениям не верили. Позднее я видел в «Десятке» слово «Неправильно», написанное маршалом Захаровым, начальником Генерального штаба на полях шифровки из Каира, которая содержала такую информацию.

По телевизору вновь марши, повторение передачи парада 23 июля, в День революции. Потом, с опозданием начали транслировать заседание Национальной Ассамблеи. Выступил Анвар Садат, ее председатель, сообщил, что Насер согласился остаться на своем посту, «выполняя волю народа». Сказал он также, что Насер не сможет приехать на заседание Ассамблеи, так как улицы были заполнены народом.

Позднее писали, что Закария Мохи эд-Дин не стал отказываться от поста президента и был готов принять дела у Насера. Он прибыл в здание радио и телевидения, чтобы обратиться к стране с подготовленной речью, но охрана непустила его. Поняв, что ситуация меняется, вице-президент сел в машину и отправился в Маншият аль-Бакри (резиденция Насера). Он, якобы, положил перед Насером пистолет и заявил: «Гамаль, если ты сейчас же не возьмешь своё требование об отставке обратно, я застрелюсь». Насер с улыбкой взял оружие [3].

Позвонил Синцов из аппарата старшего: «Видишь, что делается? Мы сейчас к вам подъехать не сможем, находитесь в гостинице». Потом все же приехал микроавтобус, мы заехали в офис в Замалеке и оттуда отправились на аэродром мимо толп демонстрантов с плакатами и фотографиями Насера. Ребята из экипажа комментировали: «Как в Пекине. Тоже впереди несут портрет Мао, один выкрикивает лозунги, а толпа их по-

вторяет». Мы ехали мимо автобусов, переполненных людьми, не только сидящими внутри, но и стоящими на крыше. Уже в Гелиополисе по радио услышал сначала «Гу-каддам аль-кувват аль-исраилия али Димашк» («Израильские силы продвигаются к Дамаску»), а затем и сообщение о разрыве Советским Союзом дипломатических отношений с Израилем.

Заехали к старому зданию аэропорта, где базировалась «наша» 14-я эскадрилья⁵, хотя от нее остался в основном лишь личный состав. Как я узнал позднее, египетские военно-транспортные самолеты Ан-12 были уничтожены на аэродроме в Луксоре. Арабские офицеры, мои старые знакомые, осыпали нас вопросами «Где ваши МИГи? Когда их привезут?» Позже, в Москве, я узнал, что отсрочка была вызвана отставкой Насера, и как только ситуация прояснилась, воздушный мост был восстановлен. Мы взлетели, и, действительно, по пути на Чкаловский мы регулярно встречали наши Ан-12, следовавшие в Каир.

Я отправился из Чкаловского в Москву на электричке утром 11 июня. Картина событий в Египте, нарисованная в советских газетах, была довольно далека от увиденной мною. «Похоже, я недооценил роль империалистов», – горько сказал я сам себе. А когда я описал ситуацию в Каире своим руководителям в «Десятке», генерал поразился: «Но почему никто об этом не докладывает?» «Потому что в центре города нет никого из наших, кто понимает по-арабски», – ответил я.

Проведя несколько дней «на дежурстве», готовясь к другим командировкам, я неожиданно получил разрешение продолжить отпуск. Однако вскоре после его окончания, как только я вернулся в Москву, мои полеты в Египет (а однажды и в Сирию, когда аэропорт Дамаска все еще был закрыт, и мы должны были приземлиться в Халебе – Алеппо) возобновились. Обычно я был в составе экипажей Ан-12, но однажды пришлось удивиться авиадиспетчеру в Афинах (Греция – член НАТО!). На его запрос о типе самолета, пришлось ответить «Ил-28»⁶.

В тот раз в Египет перегоняли эти бомбардировщики в разведывательном варианте. За гражданские самолеты, в отличие от Ан-12, они уже никак не могли сойти, и пришлось нанести на них опознавательные знаки ВВС ОАР и номера арабскими буквами. Самолеты были выделены из двух полков: одного, базировавшегося близ Ленинграда, и в этом случае изображенные на борту арабские цифры выглядели вполне прилично – там нетрудно было найти арабиста, но во втором случае закорючки на самолетах не смог бы прочитать ни один египтянин. Экипажи из первой группы привыкли летать над морем, но для другой группы спокойно пересечь Средиземное море было нелегко. К тому же после полета с советской авиабазы в венгерском Дебрецене над дружественной и Москве, и Каиру Югославией нужно было идти в довольно узком «коридоре» между отнюдь не дружественной тогда нам Албанией и членом НАТО Италией, и экипажу пришлось понервничать, особенно стрелку, сидевшему в кабине сзади. Он почти закричал по внутренней связи: «Командир, атакуют!», увидев пристроившийся к нам греческий истребитель Ф-104.

Волновались летчики и потому, что они были из «сухопутной» эскадрильи, но как только Средиземное море осталось позади, после дозаправки в Мерса-Матрухе настроение стало совсем другим. «Высота 50... Высота 20», – докладывал штурман, а где-то над знаменитой древними монастырями долиной Вади-Натрун возле дороги Александрия-Каир даже «Высота 12. Командир, убьешь!»

⁵ С октября 1962 г. почти три года я был к ней прикомандирован.

⁶ Ил-28 (по кодификации НАТО: Beagle – «Гончая») — первый советский реактивный фронтовой бомбардировщик, носитель тактического ядерного оружия. В середине 1950-х годов был основной ударной силой фронтовой авиации СССР и стран Варшавского договора. Отличался выдающейся надёжностью и неприхотливостью в эксплуатации. Участвовал во множестве локальных конфликтов.

Но добрались мы до Кайро-Уэст удачно. К тому времени отношение арабов к «руси» изменилось, местные к моему удивлению принесли к нашим самолетам бутылки воды и почему-то сухие финики. Помнится, как в одной из своих речей Насер сказал в те дни, что видя каждые 20 минут советский самолет над головой, каирцы поняли, кто их друзья. Действительно, поставки из СССР по воздуху и по морю позволили в кратчайшие сроки заменить оружие и другую технику, уничтоженные израильтянами или просто бесславно брошенные в пустыне Синая. Такую замену было непросто организовать. Например, нам требовалось три Ан-12 для перевозки двух МИГ-21: два для перевозки фюзеляжей и один – для четырех крыльев. Наблюдая за шикарными автомобилями на улицах Каира, наши летчики горько шутили: «Хоть бы загрузить по такому автомобилю на каждый самолет, а не уходить домой пустыми».

40 лет спустя на 33-м конгрессе Международной комиссии военной истории в Кейптауне меня спросили, какие уроки Москва извлекла из катастрофы 1967 г. Я считаю, что их было несколько. На оперативном уровне стало ясно, что нельзя долго держать свои силы в боевой готовности, как это делал Насер, а на стратегическом уровне советские военные руководители, в частности, главнокомандующий ВМФ Сергей Горшков стали настаивать на том, что Москва не должна предоставлять помощь другим странам, не получая что-то ценное взамен, например, право на заходы судов в порты соответствующих стран. Кроме того, при посадках в Тёкеле мы видели, что там возводят капониры, которых практически не было на египетских аэродромах.

Во всяком случае Москва не только сумела восполнить материальные потери египетских (да и сирийских) вооруженных сил, но и помочь в восстановлении и укреплении их боевого потенциала, в частности, прикомандировав советников к большинству штабов и воинских частей ОАР. Последовали дальнейшие события: «война на истощение», развертывание в Египте 18-й отдельной зенитно-ракетной дивизии и эскадрилий советских ВВС в начале 1970 г., вывод наших военных из Египта по требованию Садата в 1972 г., действия Москвы во время войны 1973 г. ... Но, как говорится, это – другая история.

Источники

1. Цит. по: Беляков В. СССР – Египет: этапы сближения. Из воспоминаний Н.С.Хрущева. *Азия и Африка сегодня*, 2016, № 4, с. 58.
2. Шепилов Д. Непримкнувший, с. 120. <http://www.e-reading.club/book.php?book=65192> (дата обращения 12.05.2019)
3. Агарышев А. *Гамаль Абдель Насер М.*, Молодая гвардия, 1975, с. 163.

TWO DAYS OF THE “SIX DAY WAR”

© 2019 Vladimir Shubin

SHUBIN Vladimir G., Dr.Sc. (History), Professor, Principal Research Fellow, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Russian Federation, 132001, Moscow, Spiridonovka st., 30/1; Department of African and Arab Studies, Peoples' Friendship University of Russia, 1719810, Moscow, Mikluho-Maklaya st., к. 2; Research Fellow, Centre for Military Studies, University of Stellenbosch, Private Bag X2, Saldanha, South Africa, 7395, e-mail: vlgs@yandex.ru

Abstract. The article is based on the information of the author, who as officer of the 10th Main Directorate of the Soviet General Staff spent two days in Egypt during the Six Day War between Israel and the Arab states. It briefly analyzes the history of Moscow's relations with Cairo after the 1952 revolution, particularly in the military field, and notes that the Soviet military leadership overestimated the combat capability of the Armed Forces of the United Arab Republic, as the Arab Republic of Egypt was then called. Although by June 1967 the situation in the Middle East was rather tense, the war was not expected by Moscow on the day Israel attacked Egypt, and its quick success, especially the defeat of the Egyptian Air Force, was a shock to Cairo and Moscow.

The article describes the situation in Cairo on June 9 and 10, the Egyptians' reaction to the resignation of President Gamal Abdel Nasser; speaks of the negative attitude of the “Arab street” to the Russians, which arose in those days, primarily because of the false information of the Egyptian authorities, who argued that unlike the USSR, the United States and Great Britain took part in the war by bombing objects in Egypt.

Keywords: “Six Day War”, United Arab Republic, Egypt, Israel, Gamal Abdel Nasser

DOI: 10.31132/2412-5717-2019-48-3-107-115

References

- Agaryshev A. *Gamal Abdel Nasser* Moscow, Molodayas Gvardia Publishers, 1975, p. 163.
Belyakov V. USSR-Egypt: stages of rapprochement. From memoirs of N.S. Khrushchev. *Aziya i Afrika segodnya*. 2016, no 4, p. 58.
Shepilov D. Nonconnected p.120 <http://www.e-reading.club/book.php?book=65192> (accessed 12.05.2019).